

На правах рукописи

СИЗО Заур Махмудович

**УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ
ПАНДЕМИИ: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

Специальность 5.1.4 Уголовно-правовые науки

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Краснодар – 2023

Работа выполнена в Федеральном государственном бюджетном образовательном учреждении высшего образования «Кубанский государственный университет».

Научный руководитель: доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации
Коняхин Владимир Павлович

Официальные оппоненты: **Пудовочкин Юрий Евгеньевич**
доктор юридических наук, профессор, ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)», профессор кафедры уголовного права

Кашкаров Алексей Александрович
доктор юридических наук, доцент, Крымский филиал ФГКОУ ВО «Краснодарский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации», начальник кафедры уголовного права и криминологии

Ведущая организация: **ФГБОУ ВО «Саратовская государственная юридическая академия»**

Защита диссертации состоится « 8 » июня 2023 года в 14⁰⁰ часов на заседании диссертационного совета 35.2.019.01 на базе ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина» по адресу: 350044, г. Краснодар, ул. Калинина, 13, главный корпус университета, ауд. 215.

С диссертацией и авторефератом можно ознакомиться в библиотеке университета и на сайтах: ФГБОУ ВО «Кубанский государственный аграрный университет имени И. Т. Трубилина» – www.kubsau.ru и ВАК – <https://vak.minobrnauki.gov.ru>

Автореферат разослан « ____ » _____ 2023 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
кандидат юридических наук

А. В. Шульга

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Развитие права и правовой науки имеет непрерывный и последовательный характер. Можно сказать, что право следует за социальными изменениями, реагирует на них, при необходимости начинает «участвовать» в новых общественных отношениях, опосредуя ранее не существовавшие практики субъектов. Лишь в отдельных и по большому счету исключительных случаях право берет на себя функцию по проектированию и созданию социальных связей. Государство тем самым пытается, не имея фактической социальной основы, сформировать новый (полезный / необходимый) тип отношений. Серьезнейшее влияние на право оказывают также социальные потрясения (войны, «экономические депрессии», пандемии и др.). Периоды высочайшего напряжения провоцируют, конечно же, мобилизацию всех социальных институтов, но «рубцы» лихих времен очень долгое время сохраняются и рельефно проступают именно в сфере права и правовой науки. Происходит это по той простой причине, что преодоление какого бы то ни было бедствия требует срочного выстраивания новых стандартов массового поведения, что нереализуемо без правового регулирования и принуждения.

Пандемия новой коронавирусной инфекции (Covid-19) – это, вне всяких сомнений, один из печальнейших и сложнейших периодов мировой истории. Ее негативные последствия отразились на всех уровнях общества. Помимо чудовищных гуманитарных последствий, пандемия вызвала экономическую стагнацию, спад производства и безработицу, обострила «тлеющие» политические конфликты. На микроуровне самоизоляция породила множество проблем индивидуального свойства: депрессию, отчужденность человека, увеличение недоверия и агрессии.

Однако, как известно, любой кризис несет с собой не только потери, но и новый этап развития, когда человек, просто чтобы выйти из состояния опасности, должен совершить очередной рывок в науке, а, возможно, и переосмыслить отношение к базовым ценностям, окружающему миру. Массовая культура давно отметила, что время великих потрясений - это, как правило, и время стремительного культурного подъема, когда создаются новые направления в литературе и искусстве. В этом смысле пандемия Covid-19, конечно же, имела свое влияние на право. Она поставила задачи, которые потребовалось решать быстро и творчески. В результате мы наблюдаем существенные изменения в трудовом, гражданском, налоговом и уголовном праве.

Уголовное право сыграло весомую роль в преодолении пандемии в России. С момента принятия первых решений по объявлению самоизоляции в стране явным образом высветилась проблема их надлежащего правового обеспечения, в том числе средствами принуждения. Поддержание массовой дисциплины по соблюдению карантинных ограничений стало фактором спасения миллионов граждан и сохранения внутренней стабильности. Это и

послужило отправной точкой к оперативному реформированию уголовно-правовой нормы о нарушении санитарно-эпидемиологических правил (ст. 236 УК РФ). Уголовно-правовой механизм потребовалось задействовать и для борьбы с массовым распространением дезинформации о пандемии и мерах по ее преодолению. Следуя рекомендациям международных организаций, понимая, что борьба с вирусом идет и в головах граждан, отечественный законодатель дополнил Особенную часть УК РФ ст. 207¹ и 207². Надо признать, что указанные нормы еще обстоятельно не разработаны в отечественной науке. До настоящего времени полноценно не осмыслены и последствия «ковидной модернизации» ст. 236 УК РФ.

В правоприменительной практике 2020 – 2022 гг., которая некоторым образом сложилась по ст. 207¹ УК РФ, отсутствует по ст. 207² УК РФ и получила совершенно новое направление по ст. 236 УК РФ, можно обнаружить довольно много дискуссионных решений. Сами правоприменители отмечают, что несмотря на известные и крайне своевременные рекомендации и разъяснения Верховного Суда Российской Федерации, вопросов с «пандемийными нормами» остается много.

Пандемия SARS-CoV-2 «вернула» отечественной науке уголовного права проблемы в сфере института обстоятельств, исключающих преступность деяния, которые по прошествии лет по каким-то причинам стало неудобно обсуждать и соответственно принято замалчивать. Однако нехватка медицинского оборудования, медикаментов и персонала самым жестким образом поставила вопрос о применимости правила крайней необходимости к случаям выбора врача, кому оказывать помощь, исходя из вероятности положительного исхода и «ценности жизни». Равным образом это проявилось и в аспекте обсуждения нормы об обоснованном риске применительно к практике неполного лабораторного исследования и внедрения вакцин от новой коронавирусной инфекции.

Пандемийная трансформации российской уголовной политики, пожалуй, не завершена. Согласно концептуальным прогнозам развития Российской Федерации в ближайшие годы влияние ряда социально-политических, экономических, технологических и иных процессов приведет к появлению очередных вызовов и угроз внутренней и внешней безопасности. Это в свою очередь может предполагать совершенно новый уголовно-политический вектор развития, рассчитанный на действие механизма уголовно-правовой охраны в исключительных (экстремальных) условиях. Полагаем, что данная проблема требует самого пристального внимания и широкого обсуждения среди профессионального сообщества.

Степень теоретической разработанности темы исследования. На диссертационном уровне исследований, посвященных теоретическим и прикладным проблемам уголовно-правового регулирования пандемии, ранее не проводилось. В этом смысле полагаем, что настоящая рукопись может претендовать на первенство. В отечественной литературе можно обнаружить лишь отдельные работы, которые некоторым пересекаются с объектом

исследования. Так, вопросы реализации обстоятельств, исключающих преступность деяния (в том числе в экстремальных условиях), рассматривались в работах В.А. Блинникова, А.П. Дмитренко, А.А. Дорогина, О.С. Капинус, А.Г. Кибальника, В.В. Меркурьева, С.В. Пархоменко, И.А. Тараканова, Г.С. Шкабина и др.

Уголовная ответственность за нарушение санитарно-эпидемиологических правил (ст. 236 УК РФ) выступала самостоятельным объектом исследования немногих диссертаций. Так, можно упомянуть работы В.Ю. Ряднева (2004), С.С. Власенко (2011), М.С. Иващенко (2012). Строго говоря, непосредственно изучению ст. 236 УК РФ посвящена только работа В.Ю. Ряднева. В редакции от 1 апреля 2020 г. данная норма прокомментирована на уровне публикаций в журналах и сборниках статей (Ю.В. Баглай, А.А. Бимбинов, Е.Н. Ермолович, В.А. Казаков, О.В. Карягина, А.В. Колоколов, Ю.С. Норвартян, И.О. Ткачев и др.).

Вопросы уголовной ответственности за публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации (ст. 207¹ УК РФ) и этой же информации, повлекшее тяжкие последствия (ст. 207² УК РФ), отдельно на монографическом уровне не разрабатывались. На настоящий момент можно выделить лишь ряд обстоятельных статей К.А. Волкова, М.А. Ефремовой, И.О. Ткачева, Д.Д. Харламова и др.

Отмечая несомненную значимость названных работ, их обстоятельный и глубокий характер, следует признать, что уголовно-правовое регулирование в условиях пандемии как самостоятельная научная проблема в отечественной науке уголовного права должным образом не разработана.

Цель диссертационного исследования заключается в научном разрешении малоизученных теоретико-прикладных вопросов уголовно-правового регулирования в условиях мировой эпидемии (пандемии).

Достижение поставленной цели потребовало постановки и поэтапного решения следующих исследовательских **задач**:

– изучено влияние пандемии Covid-19 на отечественный механизм уголовно-правовой охраны;

– исследован зарубежный опыт уголовно-правового регулирования в условиях пандемии Covid-19;

– раскрыты особенности и основные проблемы реализации уголовно-правовых норм о крайней необходимости (ст. 39 УК РФ) и обоснованном риске (ст. 41 УК РФ) в условиях пандемии Covid-19;

– представлена уголовно-правовая характеристика составов преступлений, предусмотренных ст. 207¹ и 207² УК РФ, уточненная и дополненная уголовно-правовая характеристика состава преступления, предусмотренного

ст. 236 УК РФ, конкретизировано содержание его конструктивных признаков;

– на основе изучения правоприменительной практики в период пандемии Covid-19 выявлены основные проблемы квалификации преступлений,

предусмотренных ст. 207¹, 207² и 236 УК РФ, сформулированы рекомендации по их разрешению;

– обоснованы предложения по совершенствованию действующего уголовного законодательства.

Объектом диссертационного исследования являются общественные отношения, возникающие в рамках уголовно-правового регулирования в условиях пандемии Covid-19.

Предмет исследования образуют: особенности уголовно-правового регулирования в условиях пандемии Covid-19; правомерные деяния, причиняющие вред охраняемым уголовным законом общественным отношениям в ситуациях крайней необходимости или обоснованного риска в условиях пандемии Covid-19; преступления, связанные с «инфодемией» (ст. 207¹ и 207² УК РФ) и нарушением санитарно-эпидемиологических правил в условиях пандемии Covid-19 (ст. 236 УК РФ), признаки составов этих преступлений; основания, критерии и средства дифференциации уголовной ответственности за указанные преступления; проблемы их квалификации.

Нормативную базу диссертационного исследования составляют международные акты, Конституция Российской Федерации, Уголовный кодекс Российской Федерации, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях, Федеральный закон от 30 марта 1999 г. № 52-ФЗ «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения», Постановление Правительства Российской Федерации от 1 декабря 2004 г. № 715 (в ред. Постановления от 31 января 2020 г. № 66) «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих», Постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 22 мая 2020 г. № 15 об утверждении СП 3.1.3597-20 «Профилактика новой коронавирусной инфекции (Covid-19), СП 3.4.2318 «Санитарная охрана территории Российской Федерации», СП 3.1/3.2.3146-13 «Общие требования по профилактике инфекционных и паразитарных болезней», нормативные акты региональных органов власти о введении режима повышенной готовности и др.

Теоретическую основу исследования образуют основные положения российской науки уголовного права, а также относящиеся к объекту исследования труды в области криминологии, конституционного и административного права. При проведении исследования использовались работы М.М. Бабаева, А.Г. Блинова, А.В. Бриллиантова, К.В. Вишневецкого, А.М. Герасимова, А.В. Голиковой, А.П. Дмитренко, М.А. Ефремовой, Н.Г. Иванова, А.А. Кашкарова, А.Г. Кибальника, Е.В. Кобзевой, Д.А. Ковлагиной, В.П. Коняхина, К.О. Копшевой, В.Н. Кудрявцева, С.Ф. Милюкова, А.В. Наумова, К.В. Ображиева, В.С. Овчинского, С.В. Пархоменко, Н.И. Пикурова, Е.В. Пономаренко, Ю.Е. Пудовочкина, Б.Т. Разгильдиева, А.И. Рарога, Ю.В. Трунцевского, В.Ф. Щепелькова, П.С. Яни, Б.В. Яцеленко и др.

Эмпирическая база диссертационного исследования представлена:

– данными официальной статистики о применении уголовно-правовых норм об ответственности за преступления, предусмотренных ст. 207¹, 207² и 236 УК РФ, за период с 2019 по 2022 г.;

– 48 судебными решениями и 12 материалами уголовных дел по фактам совершения преступлений, предусмотренных ст. 207¹ и 236 УК РФ;

– результатами анкетирования и интервьюирования 227 респондентов: а) практических работников (г. Москва, Московская область, г. Санкт-Петербург, Краснодарский край, Ставропольский край / 18 судей, 15 прокуроров и их помощников, 26 адвокатов, 62 следователя и дознавателя); б) 36 кандидатов и докторов юридических наук; в) 25 работников медицинских учреждений; г) 45 граждан;

– результатами, полученными другими исследователями;

– результатами обобщения информации, опубликованной с 2020 г. по 2022 г. в печатных и интернет-изданиях.

Диссертационное исследование проведено с использованием общепринятого **методологического инструментария**. Базовые диалектические категории, принципы и правила позволили обеспечить общую всесторонность, системность и глубину разработки заявленной научной проблемы. В значительной степени диалектический подход был задействован и полезен при написании первого параграфа первой главы диссертационного исследования, в котором решалась задача выделить основные тенденции, закономерности и последствия влияния пандемии на механизм уголовно-правовой охраны.

Сравнительно-правовой метод являлся базовым при подготовке второго параграфа первой главы. В результате его применения удалось составить относительно целостное и полное представление о влиянии пандемии Covid-19 на уголовное законодательство зарубежных стран.

Формально-юридический метод был задействован при непосредственном изучении нормативно-правовых актов в сфере преодоления пандемии Covid-19, отечественного уголовного законодательства и материалов правоприменения.

Эмпирические методы (анкетирование, интервьюирование, анализ документов) были применены при изучении материалов правоприменительной практики, проведении социологического исследования.

Общенаучные методы исследования были использованы повсеместно и также повлияли на получение результатов и положений настоящей работы.

Научная новизна диссертации во многом определяется объектом исследования. Настоящая работа представляет собой первое комплексное исследование уголовно-правового регулирования в условиях пандемии. Новизна работы определяется: а) положениями, ставшими результатом комплексного анализа влияния пандемии Covid-19 на механизм уголовно-правовой охраны; б) результатами исследования зарубежного уголовного законодательства в части его модернизации в условиях пандемии Covid-19; в) положениями, направленными на решение проблемных вопросов применения уголовно-правовых норм о крайней необходимости и

обоснованном риске в условиях пандемии Covid-19; г) предложениями по разрешению дискуссионных вопросов, связанных с содержанием конструктивных признаков составов преступлений, предусмотренных ст. 207¹, 207² и 236 УК РФ; д) сформулированными в работе научно обоснованными рекомендациями по проблемным вопросам квалификации преступлений, связанных с «инфодемией» и нарушением санитарно-эпидемиологических правил, в условиях пандемии Covid-19; е) авторскими предложениями по совершенствованию действующего уголовного законодательства.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Выявлены основные результаты и последствия воздействия пандемии Covid-19 на отечественный механизм уголовно-правовой охраны.

Пандемия повлекла изменение состояния преступности в сфере нарушения санитарно-эпидемиологических правил и соответствующую корректировку векторов приложения охранительного механизма уголовно-правовой охраны; значительно ускорила процесс цифровизации преступности; актуализировала задачу противодействия преступлениям, связанным с заведомо ложной агитацией и паникерством («инфодемией»); поставила проблему допустимости (интерпретационной достаточности) применения уголовно-правовых норм об обстоятельствах, исключающих преступность деяния (крайней необходимости и обоснованного риска), в ситуациях медицинской сортировки пациентов, а равно при применении методов и форм оказания медицинской помощи, которые не получили надлежащего обоснования и апробации в медицинской практике.

Задействование охранительного уголовно-правового механизма в преодолении Covid-19 имело экстренный характер, что было обусловлено общим состоянием неопределенности и страха перед малоизученным патогеном. При этом период пандемии обусловил возникновение теоретико-методологической проблемы, связанной с дальнейшими перспективами «антиковидных» уголовно-правовых норм. Теоретически возможны следующие направления ее решения: 1) введенные специальные нормы и поправки в ранее действующие должны быть упразднены, поскольку в нормальных условиях общественной жизни такой уровень уголовной репрессии является объективно избыточным; 2) все изменения необходимо сохранить в имеющемся виде в расчете на возможное перспективное применение в будущем; 3) пандемийная адаптация механизма уголовно-правовой охраны требует совершенно нового вектора развития уголовного закона, а именно выделения специальной главы с конкретизированным перечнем специальных норм, рассчитанных на действие в условиях мировой эпидемии.

2. Определены основные параметры и тенденции модернизации зарубежного уголовного законодательства в условиях пандемии Covid-19:

– новая коронавирусная инфекция потребовала комплексных усилий со стороны государств в области правового регулирования. Введение особых (чрезвычайных) режимов было сопряжено с конкретизацией социальных, трудовых, экономических (в том числе налоговых) отношений. Кроме того, был

задействован механизм уголовно-правовой охраны, прежде всего в целях обеспечения исполнения карантинных ограничений;

– пандемия не вызвала массовой криминализации в части ответственности за нарушение режима самоизоляции, уклонение от прохождения лечения и т.д. (некоторым исключением здесь выступают лишь отдельные страны - (Великобритания, Новая Зеландия, Австралия и др.), в которых принятие «антиковидных законов» было сопряжено с определением специальных составов преступлений). В целом органы государственной власти пошли по пути принятия актов толкования, которыми разъяснялись правила применения уже имеющихся положений уголовного законодательства об ответственности за причинение вреда жизни и здоровью человека, применение насилия и оскорбление представителя власти, уклонение от уплаты налогов, нарушение санитарно-гигиенических требований в условиях пандемии Covid-19;

– отдельные страны использовали модель изначально временной криминализации либо ужесточения уголовной ответственности за нарушение требований санитарно-эпидемиологического законодательства в период пандемии;

– первые месяцы пандемии показали, что противодействие дезинформации в сети Интернет стало столь же важным, как и обеспечение медицинских работников необходимым медицинским оборудованием и расходными материалами. Борьба с «инфодемией» осуществлялась не только организационно-техническими мерами, но и вызвала тренд на криминализацию распространения заведомо ложной информации о Covid-19, в том числе о мерах общественного здравоохранения;

– в заключениях отдельных международных организаций, а также в зарубежной литературе довольно критически оценивается введение специальных составов об ответственности за действия, связанные с дезинформацией о Covid-19. Подчеркивается, что государственные режимы, склонные к неоправданному ограничению свободы слова, попросту воспользовались пандемией в своих политических целях.

3. Выделены особенности и проблемы реализации уголовно-правовой нормы о крайней необходимости в условиях пандемии. Крайняя необходимость проявила себя в ситуациях неисполнения хозяйствующими субъектами обязанностей в сфере учетно-регистрационной, налоговой и договорной дисциплины, при нарушении гражданами санитарно-эпидемиологических требований (режима самоизоляции), при ненадлежащем исполнении должностными лицами своих обязанностей, а также в деятельности медицинских работников.

Пандемия SARS-CoV-2 в зависимости от содержания вынужденных и вредоносных действий, которые медицинский работник может совершить, позволила выделить следующие виды крайней необходимости: а) ситуации, позволяющие проводить медицинское вмешательство при наличии относительных и абсолютных противопоказаний; б) ситуации, позволяющие

проводить медицинское вмешательство с нарушением существующих стандартов оказания медицинской помощи; в) ситуации, позволяющие врачу принять решение об отказе в оказании медицинской помощи.

Действующая редакция ст. 39 УК РФ не позволяет реализовать рекомендации по медицинской сортировке на национальном уровне. В отечественном правовом поле сложилась ситуация пробельности уголовно-правового обеспечения медицинской сортировки. В связи с этим полагаем необходимым внести изменения в УК РФ путем выделения привилегированного вида крайней необходимости, рассчитанной на применение в чрезвычайных условиях, в том числе в обстановке пандемии.

4. Предложено научно обоснованное решение проблем реализации уголовно-правовой нормы об обоснованном риске в условиях пандемии. Обоснованный риск в условиях пандемии представляет собой причинение вреда больному, связанное с отступлением от стандартов полного и долговременного исследования лекарственного средства или метода лечения, терапевтическое использование которых основывалось на достаточных теоретических и эмпирических данных, было одобрено коллегиальным мнением специалистов и санкционировано официальными органами в сфере здравоохранения в целях кардинального улучшения эпидемиологической обстановки.

Условиями правомерности обоснованного риска в деятельности медицинских работников в условиях пандемии являются: наличие специальной цели преодоления последствий пандемии; отсутствие известных в медицинской науке и успешно реализованных в лечебной практике способов достижения такой цели; практическое использование в период пандемии нового лекарственного препарата или метода лечения без предварительного прохождения требуемых испытаний, что должно в целом соответствовать современным научно-техническим знаниям и опыту; предварительное получение добровольного информированного согласия человека на проведение медицинского вмешательства; внедрение лекарственного препарата или метода лечения должно проводиться только лицами, имеющими соответствующую квалификацию; принятие всех возможных в условиях пандемии мер для предотвращения причинения вреда испытуемым; правомерность обоснованного риска в медицине должна основываться не на количественном критерии испытуемых, а на отсутствии *заведомой угрозы* для их жизни. При этом внедрение нового лекарственного препарата или метода лечения должно быть проведено с привлечением минимально необходимого для достижения поставленной цели количества испытуемых.

Причинение вреда в результате использования не признанных медицинских препаратов либо в ситуациях сознательного нарушения дозировки или при игнорировании имеющихся противопоказаний в условиях устранения непосредственной опасности (например, нарушение дозировки дексаметазона для подавления чрезмерного воспалительного ответа и цитокинового шторма), когда такая опасность уже не могла быть устранена иными способами, не

содержит признаков обоснованного риска по смыслу ст. 41 УК РФ и следует оценивать его по правилам ст. 39 УК РФ.

5. Уточнена уголовно-правовая характеристика преступления, предусмотренного ст. 207¹ УК РФ:

– по смыслу ст. 207¹ УК РФ уголовно наказуемым следует признавать лишь такое распространение, когда виновный рассчитывает на восприятие этой информации адресатами как достоверной. Если лицо публично распространяет эти данные, изобличая их ложность или контекстно указывая на это, содеянное не обладает необходимой общественной опасностью и не подпадает под действие ст. 207¹ УК РФ;

– действия лица, публично распространившего несколько заведомо ложных материалов об обстоятельствах, указанных в примечании к ст. 207¹ УК РФ, следует квалифицировать как единое продолжаемое преступление только в том случае, если они были направлены на искажение одного и того же факта (события). В ситуациях, когда лицо вначале опровергает ложными материалами наличие угрозы заражения и пандемию в целом, а позднее доказывает опасность для жизни соответствующей вакцины, распространяет сфабрикованные материалы, дискредитирующие деятельность органов власти в части реализации мер по обеспечению безопасности населения, содеянное образует совокупность преступлений, предусмотренных ст. 207¹ УК РФ.

6. Конкретизировано содержание состава преступления, предусмотренного ст. 207² УК РФ:

– непосредственным объектом публичного распространения заведомо ложной общественно значимой информации являются общественные отношения, связанные с обеспечением достоверности (правдивости) информационного пространства; дополнительным объектом выступают отношения в сфере защиты здоровья личности;

– в отличие от ст. 207¹ УК РФ общественно значимая информация по смыслу ст. 207² УК РФ не обязательно затрагивает события, ставшие следствием какой-либо чрезвычайной ситуации (эпидемии, эпизоотии и т.п.). Подобная дезинформация может относиться к политическим решениям, разрабатываемым экономическим мерам и т.п.;

– последствия в ст. 207² УК РФ сформулированы крайне неопределенно, без уточнения степени тяжести вреда здоровью. Однако системное толкование уголовного законодательства приводит к выводу о том, что вред здоровью в контексте ч. 1 ст. 207² УК РФ может быть только тяжким;

– в правоприменительной практике ст. 207² УК РФ не получила своей реализации. Причина заключается в конструкции состава, создающей гносеологический тупик в установлении причинно-следственной связи между информационным воздействием и материальными последствиями в виде вреда здоровью человека;

– публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации предполагает утверждения субъекта о фактах. Следовательно, субъективные оценки, личное мнение, прямое выражение недоверия и т.п. не

подпадают под действие ст. 207² УК РФ. В этом заключается ее принципиальное отличие от ст. 280³ УК РФ, равно как и от ст. 282 УК РФ.

7. Выявлены законотворческие и правоприменительные дефекты, снижающие эффективность ст. 236 УК РФ, определены перспективные направления ее оптимизации:

– объективная сторона нарушения санитарно-эпидемиологических правил в современной редакции ст. 236 УК РФ имеет сложный и альтернативный характер. Законодатель объединил в рамках одной диспозиции признаки неосторожного преступления и умышленного создания опасности, что идет вразрез с правилами законодательной техники;

– пандемия SARS-CoV-2 показала, что регулирование в области эпидемиологических ограничений имеет и должно иметь строго адресный (целевой) характер. Решение должно приниматься органами власти на местах, хотя и с учетом рекомендаций (критериев, требований) федерального уровня. В аспекте действия механизма уголовно-правовой охраны это предопределяет необходимость использования региональных нормативных актов в качестве юридических (формальных) источников ст. 236 УК РФ, что требует модернизации исследуемой уголовно-правовой нормы посредством выделения специального примечания по типу ст. 143 УК РФ;

– при установлении предусмотренных ст. 236 УК РФ оценочных признаков «массовое заболевание» и «массовое отравление» необходимо руководствоваться не только количеством потерпевших, но и контагиозностью инфекционного заболевания. В случае с SARS-CoV-2, с его способностью к быстрому распространению, высоким уровнем смертности и риском наступления иных тяжких последствий для здоровья, нарушение санитарно-эпидемиологических правил, повлекшее заражение даже одного или нескольких человек, необходимо рассматривать как возникновение массового заболевания;

– в период пандемии Covid-19 сформировалась судебная практика привлечения к ответственности за подстрекательство неограниченного круга лиц к нарушению санитарно-эпидемиологических правил, что грубо нарушает постулаты теории соучастия в преступлении. Искусственное расширение содержания подстрекательства в целях противодействия публичным призывам к нарушению санитарно-эпидемиологических правил является неприемлемым. Данная проблема может быть решена посредством конструирования специальной нормы об ответственности за соответствующие призывы (по типу ч. 3 ст. 212 УК РФ) либо путем квалификации таких призывов по ст. 207¹ УК РФ.

8. Теоретически обоснованы следующие предложения по совершенствованию отечественного уголовного законодательства:

– предусмотреть в главе 8 УК РФ привилегированный вид крайней необходимости в следующей редакции:

«Статья 39¹. Медицинская сортировка

1. Не является преступлением причинение вреда больному при осуществлении медицинской сортировки в условиях пандемии, экологической катастрофы, общественного бедствия или в иных чрезвычайных ситуациях.

2. Правомерность действий медицинского работника, связанных с отказом от помощи больному, определяется на основании специальных правил медицинской сортировки, предусмотренных законодательством в сфере здравоохранения»;

– изложить диспозицию ст. 207¹ УК РФ в следующей редакции: «Публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств, в условиях чрезвычайного положения, стихийного или иного общественного бедствия, а также при массовых беспорядках, в условиях вооруженного конфликта или военных действий»;

– изложить диспозицию ст. 207² УК РФ в следующей редакции: «Публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной общественно значимой информации лицом после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года»;

– дополнить ст. 207¹ и 207² УК РФ квалифицирующими признаками, связанными с совершением преступлений с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, лицом с использованием своего служебного положения, что позволит реализовать научно обоснованные правила дифференциации уголовной ответственности;

– изложить диспозицию ст. 236 УК РФ в следующей редакции: «Нарушение санитарно-эпидемиологических правил, связанное с угрозой массового заболевания или отравления людей»;

– дополнить ст. 236 УК РФ примечанием в следующей редакции: «Под санитарно-эпидемиологическими правилами в настоящей статье понимаются государственные нормативные стандарты и требования, обеспечивающие санитарно-эпидемиологическое благополучие людей, содержащиеся в федеральных законах, иных нормативных правовых актах Российской Федерации, законах и иных нормативных правовых актах субъектов Российской Федерации».

Теоретическая значимость диссертации заключается в том, что результаты проведенного исследования дополняют и развивают уголовно-правовое учение об обстоятельствах, исключаящих преступность деяния, а также об ответственности за преступления против общественной безопасности и здоровья населения, научных основах квалификации преступных деяний. Полученные результаты в своей совокупности могут послужить основой для последующих теоретических исследований по теме уголовно-правового регулирования в особых условиях.

Практическое значение диссертационного исследования состоит в возможности использования выводов и предложений в правотворческой деятельности; в практической правоприменительной деятельности правоохранительных органов и суда; в учебном процессе при преподавании курсов «Уголовное право»; для повышения квалификации сотрудников правоохранительных органов и судей.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Основные положения диссертации нашли отражение в 9 научных публикациях, в том числе в 4 статьях, в изданиях, входящих в перечень ВАК при Минобрнауки России. Сформулированные в ходе исследования выводы стали предметом обсуждения на 5 научных форумах международного и всероссийского уровней: Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Прогресс и преемственность в российском уголовном праве (к 95-летию УК РСФСР 1926 г. и 25-летию УК РФ 1996 г.)» (Краснодар, 2021); VI Тихоокеанском юридическом форуме «Право, его применение и реализация в эпоху глобальных вызовов и меняющейся реальности» (Владивосток, 2021); III Всероссийской научно-практической конференции «Цифровизация рыночных отношений: вопросы экономики и права» (Москва, 2022); Международной научно-практической конференции «Уголовная политика и культура противодействия преступности» (Краснодар, 2022); Втором Ярославском юридическом форуме в рамках Международной научно-практической конференции «Уголовно-правовые противодействия служебным, экономическим и иным преступлениям: современное состояние и пути оптимизации (к 150-летию со дня рождения профессора В.Н. Ширяева)» (Ярославль, 2022).

Отдельные материалы проведенного исследования используются в учебном процессе Кубанского государственного университета и Кубанского государственного аграрного университета.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, трех глав, включающих семь параграфов, заключения, списка литературы из 209 наименований и 1 приложения.

СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **введении** обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, определяются его цели и задачи, объект и предмет, характеризуются методологическая, нормативная, теоретическая и эмпирическая основы, рассматриваются научная новизна, теоретическая и практическая значимость работы, формулируются основные положения, выносимые на защиту, приводятся данные об апробации и внедрении полученных результатов.

Первая глава диссертации «**Уголовно-правовое регулирование в условиях пандемии: общетеоретические аспекты**» состоит из двух параграфов. В первом из них «**Эпидемия в мировом масштабе (пандемия) и**

механизм уголовно-правовой охраны: теоретико-методологические проблемы» рассматриваются направления и последствия влияния SARS-CoV-2 на охранительный уголовно-правовой механизм. В исследовании показано, что преодоление угроз пандемии напрямую связано не только с научным потенциалом и оснащенностью системы органов здравоохранения, профессионализмом ее работников, компетентностью принимаемых управленческих решений, но и с содержанием уголовной политики государства. При этом задействование охранительного уголовно-правового механизма в преодолении Covid-19 имело экстренный характер, что было обусловлено общим состоянием неопределенности и страха перед малоизученным патогеном. Соискатель делает предположение, что в этом смысле реформа отечественного уголовного законодательства от 1 апреля 2020 г. преследовала цель заверить общественность в том, что «что-то уже сделано».

Пандемия значительно повлияла на состояние преступности в Российской Федерации, изменив предмет воздействия охранительного механизма уголовно-правовой охраны: обострение эпидемиологической обстановки, а равно введение соответствующих запретов и ограничений обусловили принципиальное изменение состояния преступности в сфере нарушения санитарно-эпидемиологических правил; эпидемия значительно ускорила процесс цифровизации преступности; преодоление коронавирусной инфекции ознаменовалось решением задачи противодействия преступлениям, связанным с заведомо ложной агитацией и паникерством («инфодемией»).

Период пандемии обусловил возникновение теоретико-методологической проблемы о дальнейшей судьбе изменений уголовного закона, которые напрямую были связаны с преодолением Covid-19. Предлагается несколько решений: первое – введенные специальные нормы и поправки в ранее действующие должны быть упразднены, поскольку в нормальных условиях общественной жизни такой уровень уголовной репрессии является объективно избыточным; второе – все изменения необходимо сохранить в имеющемся виде в расчете на возможное перспективное применение в будущем; третье – пандемийная адаптация механизма уголовно-правовой охраны требует совершенно нового вектора развития уголовного закона, а именно выделения специальной главы с конкретизированным перечнем специальных норм, рассчитанных на действие в условиях мировой эпидемии.

Эпидемия коронавирусной инфекции поставила перед механизмом уголовно-правовой охраны проблему допустимости (интерпретационной достаточности) применения уголовно-правовых норм об обстоятельствах, исключающих преступность деяния (крайней необходимости и обоснованного риска), в ситуациях медицинской сортировки пациентов, а также при применении методов и форм оказания медицинской помощи, которые не получили надлежащего обоснования и апробации в медицинской практике.

Второй параграф первой главы диссертации посвящен анализу **особенностей реализации механизма уголовно-правовой охраны в условиях пандемии по законодательству зарубежных стран.** Преодоление

негативных последствий новой коронавирусной инфекции потребовало значительных (комплексных) усилий со стороны государств в области правового регулирования. Введение особых (чрезвычайных) режимов было сопряжено с конкретизацией социальных, трудовых, экономических (в том числе налоговых) отношений. Кроме того, был задействован механизм уголовно-правовой охраны, прежде всего в целях обеспечения исполнения карантинных ограничений.

Пандемия не вызвала массовой криминализации в части ответственности за нарушение режима самоизоляции, уклонение от прохождения лечения и т.д. (некоторым исключением здесь выступают лишь отдельные страны – (Великобритания, Новая Зеландия, Австралия и др., в которых принятие «антиковидных законов» было сопряжено с определением специальных составов преступлений). В целом органы государственной власти пошли по пути принятия актов толкования, которыми разъяснялись правила применения уже имеющихся положений уголовного законодательства об ответственности за причинение вреда жизни и здоровью человека, применение насилия и оскорбление представителя власти, уклонение от уплаты налогов, нарушение санитарно-гигиенических требований в условиях пандемии Covid-19.

Отдельные страны использовали модель изначально временной криминализации либо ужесточения уголовной ответственности за нарушение требований санитарно-эпидемиологического законодательства в период пандемии. Первые месяцы пандемии показали, что противодействие дезинформации в сети Интернет стало столь же важным, как и обеспечение медицинских работников необходимым медицинским оборудованием и расходными материалами. Борьба с «инфодемией» осуществлялась не только организационно-техническими мерами, но и вызвала тренд на криминализацию распространения заведомо ложной информации о Covid-19, в том числе о мерах общественного здравоохранения.

В заключениях отдельных международных организаций, а также в зарубежной литературе довольно критически оценивается введение специальных составов об ответственности за действия, связанные с дезинформацией о Covid-19. Специалисты неустанно подчеркивают, что государственные режимы, склонные к неоправданному ограничению свободы слова, попросту воспользовались пандемией в своих политических целях. Ковидная эпидемия так или иначе завершится, но нормы об ответственности за выражение мнения о деятельности органов власти, отличающегося от официальной оценки, позволят преследовать за критику.

Вторая глава диссертации **«Реализация обстоятельств, исключających преступность деяния, в условиях пандемии»** состоит из двух параграфов. В первом из них освещаются **особенности и проблемы реализации уголовно-правовой нормы о крайней необходимости в условиях пандемии.**

Соискатель делает вывод, что в период пандемии Covid-19 крайняя необходимость проявила себя в ситуациях неисполнения хозяйствующими субъектами обязанностей в сфере учетно-регистрационной, налоговой и

договорной дисциплины, при нарушении гражданами санитарно-эпидемиологических требований (режима самоизоляции), при ненадлежащем исполнении должностными лицами своих обязанностей, а также в деятельности медицинских работников.

Пандемия SARS-CoV-2 в зависимости от содержания вынужденных и вредоносных действий, которые медицинский работник может совершить, позволила диссертанту выделить следующие виды крайней необходимости: а) ситуации, позволяющие проводить медицинское вмешательство при наличии относительных и абсолютных противопоказаний; б) ситуации, позволяющие проводить медицинское вмешательство с нарушением существующих стандартов оказания медицинской помощи; в) ситуации, позволяющие врачу принять решение об отказе в оказании медицинской помощи.

Действующая редакция ст. 39 УК РФ не позволяет реализовать рекомендации по медицинской сортировке на национальном уровне. В отечественном правовом поле сложилась ситуация пробельности уголовно-правового обеспечения медицинской сортировки. В связи с этим соискатель полагает необходимым внести изменения в УК РФ путем выделения привилегированного вида крайней необходимости, рассчитанной на применение в чрезвычайных условиях, в том числе в обстановке пандемии:

«Статья 39¹. Медицинская сортировка

1. Не является преступлением причинение вреда больному при осуществлении медицинской сортировки в условиях пандемии, экологической катастрофы, общественного бедствия или в иных чрезвычайных ситуациях.

2. Правомерность действий медицинского работника, связанных с отказом от помощи больному, определяется на основании специальных правил медицинской сортировки, предусмотренных законодательством в сфере здравоохранения».

Второй параграф второй главы диссертации раскрывает **особенности и проблемы реализации уголовно-правовой нормы об обоснованном риске в условиях пандемии.**

Соискатель делает вывод, что в период пандемии Covid-19 проблема обоснованного риска в уголовно-правовом контексте предстала исключительно в медицинской плоскости, причем в двух основных формах: применимость правила об обоснованном риске для случаев использования лекарственных средств, не прошедших всех требуемых стандартами испытаний на безопасность; применимость правила об обоснованном риске для оценки деятельности медицинских работников, которые в отсутствие каких-либо утвержденных алгоритмов лечения применяют собственные методики либо используют подходы, рекомендуемые другими специалистами, которые, однако же, не получили должной апробации и одобрения со стороны официальных органов в сфере здравоохранения.

По мнению диссертанта, обоснованный риск в условиях пандемии представляет собой причинение вреда больному, связанное с отступлением от стандартов полного и долговременного исследования лекарственного средства

или метода лечения, терапевтическое использование которых основывалось на достаточных теоретических и эмпирических данных, было одобрено коллегиальным мнением специалистов и санкционировано официальными органами в сфере здравоохранения в целях кардинального улучшения эпидемиологической обстановки.

В диссертации показано, что норма об обоснованном риске (ст. 41 УК РФ) применительно к медицинской деятельности является «скрыто бланкетной» – в различных нормативных и квазинормативных источниках, иерархически – от международного уровня до ведомственных инструкций и рекомендаций, конкретизируются и фиксируются обстоятельства, оправдывающие возможность рискованного поведения в оперативно-терапевтической практике.

Причинение вреда в результате использования не признанных медицинских препаратов либо в ситуациях сознательного нарушения дозировки или при игнорировании имеющихся противопоказаний в условиях устранения непосредственной опасности (например, нарушение дозировки дексаметазона для подавления чрезмерного воспалительного ответа и цитокинового шторма), когда такая опасность уже не могла быть устранена иными способами, не содержит признаков обоснованного риска по смыслу ст. 41 УК РФ и следует оценивать его по правилам ст. 39 УК РФ.

Соискатель выделяет следующие условия правомерности обоснованного риска в деятельности медицинских работников в условиях пандемии: наличие специальной цели преодоления последствий пандемии; отсутствие известных в медицинской науке и успешно реализованных в лечебной практике способов достижения такой цели; практическое использование в период пандемии нового лекарственного препарата или метода лечения без предварительного прохождения требуемых испытаний должно в целом соответствовать современным научно-техническим знаниям и опыту; предварительное получение добровольного информированного согласия человека на проведение медицинского вмешательства; внедрение лекарственного препарата или метода лечения должно проводиться только лицами, имеющими соответствующую квалификацию; приняты все возможные в условиях пандемии меры для предотвращения вреда испытуемым; правомерность обоснованного риска в медицине должна основываться не на количественном критерии испытуемых, а на отсутствии заведомой угрозы для их жизни. При этом внедрение нового лекарственного препарата или метода лечения должно быть проведено с привлечением минимально необходимого для достижения поставленной цели количества испытуемых.

Третья глава диссертации **«Уголовно-правовая характеристика преступлений, посягающих на общественную безопасность и здоровье населения в условиях пандемии, и проблемы их квалификации»** состоит из трех параграфов.

В первом параграфе анализируется норма об ответственности за **публичное распространение заведомо ложной информации об**

обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан (ст. 207¹ УК РФ).

Соискатель делает вывод, что структурно ст. 207¹ УК РФ следует юридуко-технической традиции других норм отечественного уголовного закона, предусматривающих ответственность за распространение вредоносной и криминогенной информации. Проявляется это прежде всего признаком публичности, который нашел уже свое обстоятельное разъяснение в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации по делам о преступлениях террористической направленности и экстремистского характера.

В соответствии с рекомендациями высшей судебной инстанции, ст. 207¹ УК РФ может применяться только при отсутствии последствий, являющихся конструктивным признаком состава преступления, предусмотренного ст. 207² УК РФ. Исходя из этого обосновывается, что диспозиция ст. 207¹ УК РФ не напрямую, но завуалированно содержит так называемые негативные признаки состава преступления, а именно причинение вреда здоровью человека, смерть либо иные тяжкие последствия. И в этом смысле автор делает вывод, что ст. 207² УК РФ представляет собой квалифицированный вид публичного распространения заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу для жизни и безопасности граждан, выделенный законодателем в рамках отдельной нормы.

По смыслу ст. 207¹ УК РФ уголовно наказуемым следует признавать лишь такое распространение, когда виновный рассчитывает на восприятие этой информации адресатами как достоверной. Только при таких условиях создается угроза отношениям в сфере обеспечения общественной безопасности и общественного порядка. Если лицо публично распространяет эти данные, изобличая их ложность или контекстно указывая на это, содеянное не обладает необходимой общественной опасностью и не подпадает под действие ст. 207¹ УК РФ.

Действия лица, публично распространившего несколько заведомо ложных материалов об обстоятельствах, указанных в примечании к ст. 207¹ УК РФ, следует квалифицировать как единое продолжаемое преступление только в том случае, если они были направлены на искажение одного и того же факта (события). Форма передачи информации (текст, аудиозапись, видеоролик) здесь не имеет значения для квалификации. В ситуациях, когда лицо вначале опровергает ложными материалами наличие угрозы заражения и пандемию в целом, позднее доказывает опасность для жизни соответствующей вакцины, распространяет сфабрикованные материалы, дискредитирующие деятельность органов власти в части реализации мер по обеспечению безопасности населения, содеянное образует совокупность преступлений, предусмотренных ст. 207¹ УК РФ.

Предлагается изложить норму об ответственности за публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, в следующей редакции:

«Статья 207¹. Публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан

1. Публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан, и (или) о принимаемых мерах по обеспечению безопасности населения и территорий, приемах и способах защиты от указанных обстоятельств, в условиях чрезвычайного положения, стихийного или иного общественного бедствия, а также при массовых беспорядках, в условиях вооруженного конфликта или военных действий, -

наказывается штрафом в размере от трехсот тысяч до семисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до восемнадцати месяцев, либо обязательными работами на срок до трехсот шестидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо ограничением свободы на срок до трех лет.

2. То же деяние, совершенное с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, -

наказывается штрафом в размере от семисот тысяч до одного миллиона пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо исправительными работами на срок до одного года, либо принудительными работами на срок до трех лет, либо лишением свободы на тот же срок.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные лицом с использованием своего служебного положения либо повлекшие тяжкие последствия, -

наказывается штрафом в размере от одного миллиона пятисот тысяч до двух миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от восемнадцати месяцев до трех лет, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на тот же срок.

Примечание. Обстоятельствами, представляющими угрозу жизни и безопасности граждан, в настоящей статье признаются чрезвычайные ситуации природного и техногенного характера, чрезвычайные экологические ситуации, в том числе эпидемии, эпизоотии и иные обстоятельства, возникшие в результате аварий, опасных природных явлений, катастроф, стихийных и иных бедствий, повлекшие (могущие повлечь) человеческие жертвы, нанесение ущерба здоровью людей и окружающей природной среде, значительные материальные потери и нарушение условий жизнедеятельности населения»¹.

Во втором параграфе третьей главы диссертации исследуется характеристика **публичного распространения заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшего тяжкие последствия (ст. 207² УК РФ).**

---

¹ Предлагаемая редакция нормы нашла свою поддержку у 67% опрошенных респондентов.

Автор приходит к выводу, что непосредственным объектом публичного распространения заведомо ложной общественно значимой информации являются общественные отношения, связанные с обеспечением достоверности (правдивости) информационного пространства; дополнительным объектом выступают отношения в сфере защиты здоровья личности.

В отличие от ст. 207¹ УК РФ общественно значимая информация по смыслу ст. 207² УК РФ не обязательно затрагивает события, ставшие следствием какой-либо чрезвычайной ситуации (эпидемии, эпизоотии и т.п.). Подобная дезинформация может относиться к политическим решениям, разрабатываемым экономическим мерам и т.п.

Последствия в ст. 207² УК РФ сформулированы крайне неопределенно, без уточнения степени тяжести вреда здоровью. Соискатель обосновывает, что говорить о возможности легкого вреда здоровью здесь нельзя по той причине, что неосторожное его причинение по УК РФ не наказуемо в принципе. Причинение средней тяжести вреда здоровью по неосторожности по общему правилу также не является преступным. Исключения единичны – в частности, в ст. 124 УК РФ, где имеется специальная оговорка. С учетом изложенного соискатель делает вывод о том, что с учетом системного толкования отечественного уголовного законодательства по смыслу ч. 1 ст. 207² УК РФ вред здоровью может быть только тяжким.

В диссертации показано, что в правоприменительной практике ст. 207² УК РФ не получила своей реализации. По мнению автора, причина заключается в конструкции состава, создающей гносеологический тупик в установлении причинно-следственной связи между информационным воздействием и материальными последствиями в виде вреда здоровью человека.

Как и в ст. 207¹ УК РФ публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации предполагает утверждения субъекта о фактах. Следовательно, субъективные оценки, личное мнение, прямое выражение недоверия и т.п. не подпадают под действие ст. 207² УК РФ. В этом заключается ее принципиальное отличие от ст. 280³ УК РФ, равно как и от ст. 282 УК РФ.

Уголовно-правовая норма, предусмотренная ст. 207² УК РФ, сконструирована с нарушениями правил юридической техники. Это обуславливает настоятельную необходимость ее законодательной коррекции как в части конститутивных, так и квалифицирующих признаков:

«Статья 207². Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации»

1. Публичное распространение под видом достоверных сообщений заведомо ложной общественно значимой информации лицом после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года, -

наказывается штрафом в размере от трехсот тысяч до семисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до восемнадцати месяцев, либо обязательными работами

на срок до трехсот шестидесяти часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо ограничением свободы на срок до трех лет.

2. То же деяние, совершенное с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, в том числе сети Интернет, -

наказывается штрафом в размере от семисот тысяч до одного миллиона пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до восемнадцати месяцев, либо исправительными работами на срок до одного года, либо принудительными работами на срок до трех лет, либо лишением свободы на тот же срок.

3. Деяния, предусмотренные частями первой или второй настоящей статьи, совершенные лицом с использованием своего служебного положения либо повлекшие тяжкие последствия, -

наказывается штрафом в размере от одного миллиона пятисот тысяч до двух миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от восемнадцати месяцев до трех лет, либо исправительными работами на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до пяти лет, либо лишением свободы на тот же срок»².

В третьем параграфе третьей главы диссертации исследуется характеристика **нарушения санитарно-эпидемиологических правил (ст. 236 УК РФ)**.

Объективная сторона нарушения санитарно-эпидемиологических правил в современной редакции ст. 236 УК РФ имеет сложный и альтернативный характер. Законодатель объединил в рамках одной диспозиции признаки неосторожного и умышленного преступления создания опасности. Объективная сторона неосторожного преступления по ст. 236 УК РФ представлена следующими признаками: деяние, связанное с нарушением санитарно-эпидемиологических правил; массовое заболевание или отравление людей; причинно-следственная связь между нарушением санитарных / эпидемиологических норм и наступившими последствиями. Объективная сторона состава создания опасности по ст. 236 УК РФ включает: нарушение санитарно-эпидемиологических правил; деяние должно быть реализовано способом, сопряженным с угрозой массового заболевания или отравления людей.

Пандемия SARS-CoV-2 показала, что регулирование в области эпидемиологических ограничений имеет и должно иметь строго адресный /

---

² Предлагаемая редакция ст. 207² УК РФ нашла свою поддержку у 74% респондентов. При этом общая поддержка изменения диспозиции составляет 93%. В изучаемых анкетах встречались возражения относительно предлагаемой системы квалифицирующих признаков. Так, например, анкетированные отмечали отсутствие необходимости или даже вредность признания таким обстоятельством использование сети Интернет. В процессе последующего интервьюирования респонденты поясняли свое несогласие тем, что такая пропаганда в современных условиях в 99% случаев совершается онлайн. По мнению респондентов, отсюда теряются смысл и значение квалифицирующего признака – ч. 1 ст. 207² УК РФ в авторской редакции теряет какое-либо значение.

целевой характер. Решение должно приниматься органами власти на местах, хотя и с учетом рекомендаций / критериев / требований федерального уровня. В аспекте действия механизма уголовно-правовой охраны это означает только одно – необходимость использования региональных нормативных актов в качестве юридических (формальных) источников ст. 236 УК РФ. Вместе с тем реализация данного подхода с соблюдением принципов отечественного уголовного права требует модернизации исследуемой уголовно-правовой нормы посредством выделения специального примечания по типу ст. 143 УК РФ.

Такие конструктивные признаки ст. 236 УК РФ, как «массовое заболевание» и «массовое отравление», являются оценочными. При их установлении необходимо руководствоваться не только количеством потерпевших, но и контагиозностью инфекционного заболевания. В случае с SARS-CoV-2, с его способностью к быстрому распространению, высоким уровнем смертности и риском наступления иных тяжких последствий для здоровья, нарушение санитарно-эпидемиологических правил, повлекшее заражение даже одного или нескольких человек, необходимо рассматривать как возникновение массового заболевания.

В период пандемии Covid-19 субъектом преступления, предусмотренного ст. 236 УК РФ, признавались следующие категории граждан, наделенных специальными признаками: 1) лица, которые в силу своего служебного положения либо выполняемых профессиональных функций должны были соблюдать требования санитарно-эпидемиологических правил в сфере противодействия Covid-19; 2) лица с подтвержденным заболеванием, вызванным новой коронавирусной инфекцией, получившие соответствующее уведомление о необходимости соблюдения карантинных ограничений.

В период пандемии Covid-19 свое оформление получила довольно неоднозначная судебная практика в части привлечения к ответственности за подстрекательство неограниченного круга лиц к нарушению санитарно-эпидемиологических правил. Была допущена возможность так называемого безадресного подстрекательства в отношении индивидуально неопределенного круга лиц. Такая конструкция в отечественной науке уголовного права традиционно считалась и считается недопустимой. На уровне искусственного расширения интерпретационной емкости подстрекательства противодействие публичным призывам к нарушению санитарно-эпидемиологических правил в период пандемии является неприемлемым. Данная проблема может иметь законодательное разрешение – по типу выделения специального основания ответственности за соответствующие призывы (по типу ч. 3 ст. 212 УК РФ). Другим решением является квалификация таких призывов по ст. 207¹ УК РФ.

Автором предлагается следующая редакция нормы:

«Статья 236. Нарушение санитарно-эпидемиологических правил

1. Нарушение санитарно-эпидемиологических правил, связанное с угрозой массового заболевания или отравления людей, -

наказывается штрафом в размере от двухсот тысяч до пятисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до одного года, либо лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двух лет, либо ограничением свободы на срок до двух лет.

2. То же деяние, повлекшее по неосторожности массовое заболевание или отравление людей, -

наказывается штрафом в размере от пятисот тысяч до семисот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до восемнадцати месяцев, либо лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок от одного года до трех лет, либо ограничением свободы на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до двух лет, либо лишением свободы на тот же срок.

3. Деяние, предусмотренное частью первой или второй настоящей статьи, повлекшее по неосторожности смерть человека, -

наказывается штрафом в размере от одного миллиона рублей до двух миллионов рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до трех лет, либо ограничением свободы на срок от двух до четырех лет, либо принудительными работами на срок от трех до пяти лет, либо лишением свободы на тот же срок.

4. Деяние, предусмотренное частью первой или второй настоящей статьи, повлекшее по неосторожности смерть двух или более лиц, -

наказывается принудительными работами на срок от четырех до пяти лет либо лишением свободы на срок от пяти до семи лет».

Примечание. Под санитарно-эпидемиологическими правилами в настоящей статье понимаются государственные нормативные стандарты и требования, обеспечивающие санитарно-эпидемиологическое благополучие людей, содержащиеся в федеральных законах, иных нормативных правовых актах Российской Федерации, законах и иных нормативных правовых актах субъектов Российской Федерации»³.

В **заключении** подведены итоги проведенного исследования, сформулированы его основные положения и выводы.

В **списке литературы** в систематизированном виде представлены источники, использованные при написании диссертации.

В **приложении** в концентрированном виде приведены сведения о проведенном социологическом исследовании.

---

³ Данная редакция нормы нашла свою поддержку у 57% опрошенных респондентов.

**Основные положения диссертационного
исследования опубликованы в следующих работах:**

*Статьи в рецензируемых изданиях, указанных в перечне Высшей
аттестационной комиссии при Министерстве науки и высшего образования
Российской Федерации:*

1. Сизо, З.М. Пандемия новой коронавирусной инфекции (COVID-19) как уголовно-политическая проблема /З.М. Сизо // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 12. С. 147–149 (0,5 п.л.).
2. Сизо, З.М. Уголовная ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу для жизни и безопасности граждан (ст. 207.1 УК РФ): теория и практика / З.М. Сизо // Вестник Краснодарского университета МВД РФ. 2022. № 1. С. 29–35 (0,7 п.л.).
3. Сизо, З.М. Обстоятельства, исключаящие преступность деяния, и пандемия Covid-19 / З. М. Сизо // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2022. № 3. Т.24, С. 124–139 (1,0 п.л.).
4. Сизо, З.М. О квалификации нарушения санитарно-эпидемиологических правил в условиях пандемии Covid-19 / З.М. Сизо // Российский следователь 2022. № 11. С. 40–44 (0,7 п.л.).

Статьи в иных изданиях:

5. Сизо, З.М. Новеллы российского законодательства в области противодействия экстремистской деятельности / З.М. Сизо, Т.Ю. Батютина // Прогресс и преемственность в российском уголовном праве (к 95-летию УК РСФСР 1926 г. и 25-летию УК РФ 1996 г.): Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (Краснодар 28 мая 2021 г.). – Краснодар: КубГУ, 2021. С. 549 – 556 (0,5/0,5 п.л.)
6. Сизо, З.М. Эпидемия в мировом масштабе (пандемия) и механизм уголовно-правовой охраны: теоретико-методологические проблемы / З.М. Сизо // Право, его применение и реализация в эпоху глобальных вызовов и меняющейся реальности: материалы VI Тихоокеанского юридического форума, Дальневосточный федеральный университет (Владивосток, 8 октября 2021 г.): материалы / сост. В.В. Гаврилов – Владивосток: Изд-во Дальневост. федерал. ун-та, 2021. С. 303–307 (0,5 п.л.).
7. Сизо, З.М. К вопросу об отдельных уголовно-политических «сдвигах» в условиях пандемии COVID-19 / З.М. Сизо // Цифровизация рыночных отношений: вопросы экономики и права: материалы III Всероссийской научно-практической конференции, Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России) (Москва, 20 июня 2022 г.). – М.: Проспект, 2022. С.26–32 (0,5 п.л.).
8. Сизо, З.М. Публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия (ст. 207² УК РФ): проблемы уголовно-правовой интерпретации / З.М. Сизо // Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы Международной научно-

практической конференции, Краснодарский университет МВД России (Краснодар, 30 сентября 2022 г.). – Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2022. С.344–353 (0,6 п.л.).

9. Сизо, З.М. Крайняя необходимость и пандемия COVID-19: уголовно-правовой взгляд / С.М. Сизо // Второй Ярославский юридический форум (30 сентября – 1 октября 2022 г.): сборник научных статей по вопросам противодействия преступности / отв. ред. Е.В. Благов, А.В. Иванчин, В.П. Коняхин. – Ярославль, 2023. – С. 221–224.